Эйгину не пришлось усердно искать своего отца. В северо-восточном районе Фонтанного хребта, прямо на границе лесных угодий, стоял незаметный домик, который люди хребта называли своей штаб-квартирой на протяжении трех последних поколений. Возможно, кто-то удивлялся, почему так много мужчин, одетых в черное, часто посещали этот дом, но они знали достаточно, чтобы не спрашивать об этом. Чтобы не расследовать. Те, кто был недостаточно умен? Они быстро научились.

Тем не менее, Эйгину было все равно, что подумают прохожие, когда он вбежал в маленький дом и протолкнул мимо всех остальных, пока искал своего отца. Все это время Эйгин надеялся, что он ошибался. Он надеялся, что то, что он подозревал, будет списано как нелепость. Эйгин всегда уважал своего отца, как человека Хребта. Все на Хребте знали имя Рэймонда Шэдоусмита. Говорили, что он умеет создавать тени посреди себя. Тени, чтобы защитить своих союзников и осудить своих врагов. Он был легендой. Тем не менее, Эйгин также имел то, что некоторые мои заблуждения, как удовольствие называть его отцом. Рэймонд всегда был человеком Хребта до отца, что неизбежно приводило к отсутствию семейных обязанностей с его стороны. Рэймонд всегда был больше сосредоточен на подделке другого солдата, а не сына. Возможно, именно поэтому Эйгин провел так много последних лет, задавая вопросы, которые он не должен был задавать. Он просто искал путь, который не был навязан ему. За жизнь, которую он мог бы вести уверенно.

И теперь, когда все это было поставлено под сомнение, Эйгину пришлось отбросить все свои сомнения относительно его отношений с Рэймондом в сторону. Было много вещей, с которыми Эйгину было неудобно в течение многих лет, но каким-то образом это, осуждая мальчика, который оказался одним из их хозяев в Джеррике, толкнул его за линию.

Эйгин сделала паузу перед дверями, которые привели в комнату заседаний Командиров. Всего их было пять, и одним из абсолютных правил было не прерывать их во время сессии, если только не случилось что-то ужасное. Эйгин не был настолько глуп, чтобы поверить, что его опасения были квалифицированы как "ужасные", но он также не мог позаботиться об этом в тот момент. Он ворвался в двери и оказался посреди встречи.

"Эгин!" Рэймонд сорвался, тут же встал, чтобы сделать выговор за неуважительное поведение его сына: "Мы посреди меня..."

"Ты знал?" спросил Эйгин, отрезав отца. Комната замолчала, и глаза Рэймонда сузились от взгляда, который давал ему сын.

"Что бы это ни было, Эйгин, мы обсудим это позже, прямо сейчас..."

"Мальчик, которого мы доставили в недра Джеррики, тот, которого мы оставили по прихоти Зарота, ты знал, что он Килдаре?" Эгин повторил.

Ему нужен был прямой ответ. Его тошнило от оправданий. От отвлекающих факторов и лжи. На этот раз он не уезжал, пока не получил прямой ответ.

Комната молчала, затем один из других командиров, Инка, встал и указал на Эгина, когда тот уходил: "Смирись с этим, Теневой Кузнец". Хребет не место для допроса, и я думаю, что мы достаточно долго терпели проступки мальчика".

Остальные ушли, и Рэймонд встал со своего места, глядя через маленькую комнату для собраний на то место, где Эйгин стояла в дверном проеме.

"Я говорил тебе снова и снова, Эйгин, - сказал Рэймонд, - Это не наше место для вопросов".

"И я говорил тебе, что, возможно, так и должно быть, - огрызалась Эйгин, сделав шаг вперёд, - если бы мы задали вопрос, возможно, мы бы не осудили одного из тех, кого мы имеем честь защищать, в самую мрачную тюрьму этого континента".

"Он не Килдаре!" Рэймонд сорвался: "Его отец отбросил имя, и тем самым сделал это для своих потомков". Они больше не из рода Килдаре".

"Быть родословной Килдаре - единственная причина, по которой он даже в этой шахте!" сорвала Эгин, "В конце концов, я уверена, что ты знаешь, что родословная Килдаре, по сути, бесплодна. Очевидно, что слухи о том, что она проклята, очень правдивы".

"Эйджин, ты переступаешь черту и не можешь забрать ее обратно", предупредил Рэймонд.

"Почему ты думаешь, что я захочу?" спросил Эйгин: "Почему ты думаешь, что знаешь что-то обо мне? Ты ни разу не спросил меня, во что я верю, или эти вопросы тоже были запрещены?"

"Прекрати, Эйджин, ты ведешь себя нелепо", - рычал Рэймонд.

"Нет, я верен", - поправил Эйгин, - "Верен тому, во что верю. Если это значит доверять человеку, которого все считают монстром, или в случае с герцогом - жеребцом, то хорошо".

"Хватит!" сорвала Рэймонда, "Это не тема для дебатов, Эйгин". Наш долг - выполнять приказы герцога Фонтанного хребта. Это всегда было нашим долгом, это то, что делает нас Людьми Хребта. К сожалению, это означает делать и делать трудные вещи на благо нашего народа".

"Это не приносит пользы никому, кроме семьи Килдаре!" сорвала Эгин.

"Семья Килдаре жизненно важна для стабильности этого континента, Эйгин. Если бы она и все ее предприятия и торговые сделки рухнули, то не осталось бы ничего и никого, кто мог бы удержать эту Империю. Крайне важно, чтобы у них были наследники, чтобы продолжать свой бизнес", - ответил Раймонд.

"За счет свободы ребенка"? За счет его здравомыслия?"

"Империя была построена на вещах похуже, чем страдания ребенка", - заявил Рэймонд.

Эйгин нахмурилась. Что это был за аргумент? Конечно, на самом деле он был прав, но это не сделало его морально правильным. Итак, Эйгин повернулся и шагнул назад к двери: "В конце концов, все эти империи упали, не так ли?"

Эйгину удалось уклониться от первого удара, что, казалось, удивило его отца. Удивите его достаточно, что Эгин также удалось получить несколько ударов в свой собственный, прежде чем его отец начал сопротивляться.

Эйгин тяжело дышала, он знал, что никогда не был в состоянии по-настоящему идти в ногу с отцом. Конечно, у него была подготовка, но у него не было лояльности и преданности своему отцу. В сердце Эйгина не было мотивации оттачивать свою точность в бою. Он хотел, чтобы так и было. Широкие глаза и испуганный взгляд отца, взгляд, который не показывал никакой семейной связи, только слепая преданность, Эйгин поразил. Отец заблокировал его, а затем быстро перерезал в сторону, ударив Эйгина в ребра. Эйгин вздрогнул и поспешно отступил, обведя отца.

"Я ухожу", - сказал Эйгин, хотя его голос не казался таким решительным, как несколько минут назад. Глаза Рэймонда потемнели, отец ушел. Эйгин обедал.

Блок.

Финт слева.

Утка.

Потрогай ногу.

Эйгин разбился о землю, и Рэймонд прыгнул на него, чтобы удержать.

"Тебе многому надо научиться, мальчик", - рычал Рэймонд. Он оттянул кулак назад и опустил его на храм Эйгин.

***

Эйгин чувствовала запах лесного воздуха. Сосновые иголки и влажный подлесок. Его голова колотилась. Он стонал, пока катился к рукам и коленям, затем прищурился, чтобы осмотреться.

Что случилось?

Как только он задал вопрос, все вернулось к нему. Он вытолкнул боль в затылок, прежде чем прыгнуть к ногам и повернуться во все стороны. Его отец прислонился к дереву, лицом в сторону от него.

"Ты опоздал, - сказал его отец, - приказы были отправлены вчера вечером, ты ни за что не успеешь поймать их вовремя, не говоря уже о том, чтобы спасти своего маленького друга, если ты его так называешь".

Глаза Эйгина расширились: "Что ты наделал?"

"Мой долг", ответил его отец, повернувшись посмотреть на Эйгина.

Эйгин сузил глаза в гневе: "Он ничего этого не заслуживает! Он ничего не сделал, ни плохого, ни правильного!"

Рэймонд оттолкнулся от дерева и начал уходить: "Это последняя доброта, которую я дам тебе как отец, хотя очевидно, что я все равно никогда не был хорош в этой работе". Я выполнил свой долг, теперь ты решаешь, что твоё".

Эйгин наблюдал за тем, как его отец ушел, внезапно осознав, что сделал его отец. Эйгин предал хребетчиков, он нарушил клятву. По всем правам, Эйгин должен был быть убит. Вероятно, все бы поверили, что это был он. Его отец не предал бы то, во что верил, и Эйгин не должен был просить его об этом. Эйэгин улучил момент, чтобы понять, во что он верит, а потом начал бежать.

Его долг? Он еще не был так уверен в этом. Но он знал, что правильно.

http://tl.rulate.ru/book/35396/925865